65 б
215

УРЯНХАЙСКІЙ

ПОГРАНИЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

ДОКЛАДЪ

Генеральнаго Штаба Полковника,

Виктора Попова.

Изданіе Отчетн. Отд. Штаба Иркутскаго военнаго Округа.

ИРКУТСКЪ,
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ШТАБА ВОЕННАГО ОКРУГА.
— 1910 —

215

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

1343298

1. Урянхайская земля.

Краткій очеркъ.

Названіе. Край, интересующій насъ на этомъ участкѣ **русскаго восточнаго фронта**, носитъ въ литературѣ различныя названія: «Урянхайская земля», «Засаянскій край», «Долина Верхняго Енисея», (а нѣкоторые изслѣдователи называютъ—Южнаго Енисея)—«Сойотія», «Зеленый Клинъ» наконецъ просто «Усинскій край» и еще нѣсколько названій.

Въ книгѣ «Черезъ Саяны и Монголію» я употребилъ названіе «Урянхайская земля», такъ его буду называть и теперь.

Граница. Пространство и населеніе. Границы: на югѣ—хребетъ Танну-Ола, на сѣверѣ и востокѣ—главная линія Саянскихъ горъ и на западѣ—горный узелъ Алатау. Урянхайская земля[1]) протянулась съ запада на востокъ около 1000 верстъ, съ сѣвера на югъ отъ 100—350 верстъ и по вычисленію нѣкоторыхъ изслѣдователей, заключаетъ въ себѣ около 300,000 квадратныхъ верстъ (по вычисленію Инженера Родевича 142,220 квадратныхъ верстъ). Численность туземнаго населенія считается приблизительно до 50,000 человѣкъ урянховъ (сойоты); всѣ тюркскаго племени, говорятъ на одномъ языкѣ, родственномъ съ нашими Минусинскими татарами и Нижнеудинскими карагазами, исповѣдуютъ одну ламайскую религію и живутъ въ одинаковыхъ бытовыхъ условіяхъ—кочевниковъ скотоводовъ, за исключеніемъ небольшой горсти урянховъ кочевниковъ-оленоводовъ. Главными источниками существованія урянховъ являются:

---

[1]) Желающимъ болѣе подробно ознакомиться съ этимъ краемъ рекомендую: Африкановъ „Урянхайская земля", Отчетъ чиновника Осташкина 1883 г. (въ „рукописи) Отчетъ инженера Родевича 1908 г. (въ рукописи), моя книга „черезъ Саяны и Монголію" и другіе источники.

скотоводство и звѣропромышленность (пушной промыселъ) и только изрѣдка проявляются робкія попытки, въ мѣстахъ сильнаго вліянія русскихъ, примитивнаго земледѣлія.

Скотоводство разбросано по всей Урянхайской землѣ, а **пушный промыселъ** почти исключительно въ русской Саянской тайгѣ полосою: по широтѣ, отъ Кузнецкаго Алатау до Нижнеудинской тайги и по долготѣ, отъ верхне-енисейскихъ степей до минусинскихъ степей.

Звѣропромышленность.

Къ удивленію всѣхъ знатковъ края здѣсь создалось можно сказать, странное положеніе: «урянхи десятками тысячъ ружей и ловушекъ разнаго типа вылавливаютъ ежегодно въ русской территоріи богатѣйшій запасъ самой дорогой пушнины и эту русскую пушнину отдаютъ въ подати китайскому правительству»[1]). Мы до сихъ поръ не обращали на этотъ вопросъ должнаго вниманія. Расхищеніе такимъ путемъ пушнаго звѣря Саянской тайги достигло до того, что уже который годъ добыча пушнины быстро уменьшается и осенью 1908 г. достигла невѣроятнаго минимума; купцы, вывозившіе ежегодно по 500 соболей, едва могли собрать 80 соболей, а китайскія власти, нецобравъ значительное количество податныхъ соболей, наложили на урянховъ тройные проценты. Въ результатѣ: крупныя русскія фирмы, ведшія пушную торговлю, наканунѣ прекращенія этой торговли, урянхи же задолжали китайскимъ купцамъ на уплату податей, считая съ львиными процентами, такія суммы, что, конечно, отнынѣ будутъ въ неоплатномъ долгу передъ китайцами. По мнѣнію нѣкоторыхъ торговыхъ дѣятелей края, если продать урянховъ со всѣмъ имуществомъ и семьями, то и тогда не хватитъ уплатить только половины долговъ.

Скотоводство.

У скотоводовъ урянховъ (когда то очень богатыхъ), благодаря отчасти хищническимъ пріемамъ торговли, въ первые годы, русскихъ купцовъ, а главное, благодаря, беззастѣнчивому обирательству китайскихъ чиновниковъ изъ Улясутая, — скотоводство почти совершенно пало и болѣе или менѣе крупныхъ скотоводовъ осталось очень мало; урян-

---

[1]) Такое положеніе создалъ сержантъ Шестеревъ, разрѣшившій урянхамъ охотиться въ русскихъ лѣсахъ въ 1780 году, во время отысканія имъ пограничныхъ знаковъ. Клапротъ.

хайское стадо въ 1000 головъ теперь существуетъ какъ исключеніе, да и эти быстро идутъ по пути раззоренія.

Политическое положеніе.

Положеніе Танну урянховъ по китайскимъ офиціальнымъ даннымъ до извѣстной степени опредѣляется выпиской изъ „уложенія китайской палаты внѣшнихъ сношеній“[1]).

1) „Монголовъ Чжахацыновскаго племени и Алт. урянхайцевъ раздѣлить «на двѣ дивизіи». Для управленія же Монголовъ-танну-урянхайскаго племени опредѣлить одного дивизіоннаго Начальника. Всѣхъ сихъ чиновниковъ снабдить подлежащими печатями и возложить на нихъ всѣ дѣла по воинской и гражданской части.

2) Въ отношеніи раздѣленія урянхайскихъ чиновниковъ на очереди для поклоненія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ и поздравленія съ новымъ годомъ повелѣно: начальствующихъ надъ народомъ урянховъ—монгольскаго происхожденія, называемаго Танну-урянха и состоящаго въ вѣдомствѣ Генерала, пребывающаго въ г. Улясутаѣ, раздѣлить на 4-е годовыхъ очереди; раздѣленные родоначальники должны пріѣзжать черезъ годъ по одной очереди въ Мурань (мѣсто гдѣ Богдыханъ забавляется звѣриной охотою).

3) Въ отношеніи предосторожности на границахъ, сказано: «ни какимъ купцамъ не позволять ѣздить съ товарами къ монголамъ Танну Урянхайскимъ, состоящій въ 3-хъ эскадронахъ[2]) равно и во всѣ мѣста къ сѣверу отъ г. Улясутая, на которыхъ размѣщено 9-ть станцій. А если Урянхайскія Монголы будутъ имѣть у себя излишнія, за домашнимъ употребленіемъ, вещи, которыя бы хотѣли промѣнять на другія, нужныя въ общежитіи, то удобно могутъ промѣнивать оныя въ Улясутаѣ, когда пріѣзжаютъ въ оный съ мягкою рухлядью для внесенія въ казну. Строжайше запретить китайскимъ купцамъ, торгующимъ въ Улясутаѣ, дабы подъ какимъ бы то предлогомъ не было, не давали въ долгъ то-

---

[1]) Эта справка—изъ отчета чиновника Осташкина.

[2]) Число эскадроновъ въ монгольской милиціи обыкновенно считаютъ по числу сумо, (администр. дѣленіе). Въ Урянхайской землѣ считается всего 35 сумо, изъ нихъ 3 сумо кочуютъ южнѣе хребта Танну-ола въ Монголіи.

варовъ своихъ или серебра Танну урянхайцамъ, пріѣзжающимъ въ Улясутай; но должны они торговать на наличныя вещи и деньги. Если же кто въ противность сего отпуститъ въ долгъ товаръ или серебро сказаннымъ Монголамъ и подъ симъ предлогомъ поѣдетъ **въ ихъ кочевья, ловить таковыхъ и наказывать жестокимъ образомъ**».

Относится-ли это уложеніе къ Танну урянхамъ живущимъ въ долинахъ верхняго Енисея нужно считать вопросъ открытымъ. При болѣе тщательномъ знакомствѣ съ вопросомъ, возможно, допустить, что это уложеніе относится къ урянхамъ кочующимъ въ долинѣ Теси, такъ какъ говорится только о 3-хъ эскадронахъ (сумо) Танну-урянховъ, а остальные 32 сумо урянховъ долины Енисея очевидно въ своемъ подданствѣ китайцы не считаютъ.

Во всякомъ случаѣ китайское положеніе говоритъ объ урянхахъ весьма не опредѣленно, но ясно указываетъ на существованіе границы между Монголіей и урянхами и требуетъ жестокаго наказанія за переходъ на ихъ кочевья.

Между тѣмъ въ настоящее время урянхи долины верхняго Енисея считаютъ себя китайскими поданными, платятъ подати китайцамъ и управляются по китайскимъ законамъ, но на какихъ основаніяхъ **вопросъ открытый.**

Прежде урянхи административно были раздѣлены на 6-ть хошуновъ, подчиненыхъ одному родовому князю Амбань-Нойону; нынѣ, благодаря происканъ и стараніямъ нѣкоторыхъ честолюбивыхъ Ухерицы (хошунный начальникъ) и даваемымъ ими взяткамъ китайскимъ чиновникамъ, а равно укрѣпившейся у китайскихъ администраторовъ Халки, идеи «раздѣляй и господствуй»,—власть Амбань-Нойона почти совершенно падаетъ и даже тѣ хошуны, которые остаются еще юридически подъ его вѣдѣніемъ, ускользаютъ отъ его вліянія, и теперь китайскія власти, разжигая честолюбіе отдѣльныхъ хошунныхъ правителей, создали между ними взаимно враждебныя отношенія и окончательно ихъ отдали въ руки 5-ти китайскихъ фирмъ, ссужающихъ чиновниковъ деньгами подъ крупные проценты для уплаты разнаго рода поборовъ китайскихъ властей Улясутая.

Природа страны.

Страна изобилуетъ богатыми лѣсами, огромными степными пространствами и горными хребтами съ богатыми залежами ископаемыхъ, омывается рѣкою Енисеемъ съ многочисленными притоками. Рѣка Верхній-Енисей (по нашей сорокаверстной картѣ Улукемъ и Бейкемъ по заключенію Инженера Годевича, производившаго развѣдку рѣки, удобна для судоходства. Климатъ, сравнительно съ сосѣдними областями Сибири, мягкій, солнечнаго тепла достаточно, хлѣбъ-пшеница, просо и даже дыни и арбузы вызрѣваютъ.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе Урянхайской земли и ея аборигеновъ.

II. Русскіе интересы въ Урянхайскомъ краѣ.

Золотопромышленность.

Еще въ началѣ прошлаго XIX столѣтія русскіе начали добычу золота на южномъ склонѣ Саянскаго хребта въ Урянхайскихъ кочевьяхъ по р.р. Сисиму (притокъ Систекема), затѣмъ перешли въ системы Ута, Учжи, Селиха и т. д.

За періодъ времени съ 1879 по 1908 г. на этихъ зарубежныхъ, какъ принято называть, пріискахъ было добыто свыше 705 пудовъ золота. Но такое незначительное количество добытаго золота не доказываетъ еще на его отсутствіе, а является результатомъ почти непреодолимыхъ препятствій къ его добычѣ, въ видѣ категорическаго запрещенія правительственныхъ мѣстныхъ властей съ указаніемъ, что земля урянховъ въ китайскихъ владѣніяхъ; затѣмъ отсутствія какихъ либо условій облегчающихъ промыселъ: путей, властей, продуктовъ, почты, телеграфа и т. п.

Позднѣе русскимъ золотопромышленникамъ было предоставлено на ихъ страхъ и рискъ сходиться съ мѣстными кочевниками, при чемъ еще, кажется, и теперь берутся съ нихъ подписки, что бы они не разсчитывали на защиту со стороны русскаго государства ихъ интересовъ. Между тѣмъ поиски золота продолжались и продолжаются и теперь. Въ послѣдніе годы, говорятъ, золотоискатели открыли богатѣйшія мѣсторожденія руднаго золота; напримѣръ, указы-

ваютъ на рудныя золотыя мѣсторожденія по системамъ р. р. Хамсары, Блялику, Темерсуку, Иджиму, Серлиху, Иликему, Казыкъ-Чадырь и по другимъ правымъ притокамъ верхняго Енисея; но еще большія рудныя богатства по системамъ рѣкъ Тапсы и Хайдаль-Суку и др. лѣвымъ притокамъ Енисея; равно и указываютъ на открытыя будто бы, богатыя золотыя розсыпи по сѣверному склону Танну-Ола и въ системѣ рѣки Кемчика.

Кромѣ того въ послѣдней системѣ открыты залежи азбеста. Имѣются свѣдѣнія объ открытіи каменнаго угля, мрамора и другихъ горныхъ богатствъ.

Въ настоящее время въ Урянхайскихъ кочевьяхъ, по оффиціальнымъ даннымъ, имѣется 131 отведенныхъ, но еще не работающихъ, пріиска, принадлежащихъ русскимъ золотопромышленникамъ, 13 работающихъ и 26 выработаныхъ, а всего 170 площадей. По мнѣнію золотопромышленниковъ, Урянхайскій край съ его руднымъ золотомъ дѣйствительно можетъ быть названъ з о л о т ы м ъ д н о м ъ.

Но найти капиталы, для постановки дѣла въ широкогосударственномъ смыслѣ, невозможно: по отсутствію путей, почты, при неувѣренности въ безопасности и обезпеченности дѣла отъ всякихъ насилій. Урянхи, хотя и ничтожные кочевники, но уплачивая подати Китайской Имперіи, управляемые китайской администраціей, признаютъ, что русскіе добываютъ золото не по праву и всегда стараются объ этомъ русскимъ напомнить.

Русское правительство, съ одной стороны, категорически заявляетъ, что „не разсчитывайте на защиту вашихъ интересовъ“, а съ другой стороны не только отводитъ все новыя и новыя пріиски и беретъ съ золотопромышленниковъ всѣ налоги и золото, но даже продаетъ нѣкоторые изъ пріисковъ, оставшіеся въ казнѣ съ торговъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ операцію 1908 г. добыто золота въ Урянхайскихъ кочевьяхъ 9 пудовъ, а по другимъ (банковскимъ, гдѣ золото скупается изъ частныхъ рукъ,) 30 пудовъ. При свободѣ продажи золота и легкости его добычи, конечно много золота— не попадаетъ правительственнымъ учрежденіямъ, а продается на сторонѣ рабочими и служащими и потому послѣднія свѣдѣнія нужно считать вѣрнѣе.

Если же допустить, что районъ этой золотопромышленности былъ бы въ мѣстности безспорныхъ русскихъ владѣній, что рѣка верхній Енисей имѣла бы пароходство, т. е. всѣ припасы, машины и люди доставлялись бы пароходами почти къ самымъ пріискамъ, главные необходимые продукты: хлѣбъ и мясо имѣются и теперь тутъ же около самыхъ пріисковъ и если добавить къ этому всѣ удобства культурной жизни: почту, телеграфъ, храмы, и т. д.,—то можно съ большой увѣренностью утверждать, что Урянхайская земля превратилась бы въ одинъ изъ крупнѣйшихъ золотопромышленныхъ районовъ, доставляющихъ въ годъ можетъ быть не 30 пуд. а въ нѣсколько разъ больше.

Торговля.

Первыми піонерами русской торговли были Минусинскіе казаки, которые ѣздили на границу для развѣдокъ и везли съ собой нѣкоторые предметы для обмѣна съ Урянхами, но казаки дальше перевaловъ Саянскаго хребта не появлялись и въ самыхъ кочевьяхъ урянховъ не бывали.

Въ концѣ 50-хъ годовъ у устья Кемчика Урянхайскими властями было разрѣшено русскимъ казакамъ останавливаться для торговли съ 15 по 25 Марта. Въ 1860 году купецъ Веселковъ первый отправилъ туда же своихъ приказщиковъ, а уже черезъ нѣсколько лѣтъ Усинскіе крестьяне построили 6 торговыхъ избушекъ на Уюкѣ и поселились съ семьями. Въ 1867 году купецъ Веселковъ уже открываетъ факторію на р. Енисеѣ (Улукемѣ).

Однако эти попытки не обошлись безъ серьезныхъ недоразумѣній. Первыя факторіи русскихъ въ 60-хъ годахъ были разграблены и сожжены Урянхами. Причина крылась въ конкуренціи которую русскіе торгующіе составили для Урянхайскихъ чиновниковъ.

Тогда же мы начали повторять и наши политическіе ошибки въ отношеніи вопроса о принадлежности края; вмѣсто того чтобы послать туда для усмиренія разбойниковъ—кочевниковъ отряды казаковъ, наказать ихъ и установить порядокъ, мы начали впутывать въ это дѣло Китайское правительство, привлекая его къ взысканію съ Урянховъ и тѣмъ такъ сказать указали, что Урянхайская земля принадлежитъ Китайцамъ.

Однако эти разбойническія поступки Урянховъ съ нашими первыми піонерами торговли не остановили послѣднихъ. Веселковъ уже въ 1869 году вновь построилъ факторію, около него возникла другая фирма Г. П. Сафьянова; на Кемчикѣ стали торговать въ палаткахъ, а потомъ и строить факторіи, казаки, а за ними и минусинскіе купцы.

Не смотря на всѣ трудности и ненормальности, русское дѣло крѣпло, разширялось и къ началу XX вѣка не было ни одного кочевья урянховъ, которое не вело бы торговыхъ сношеній съ русскими торгующими въ Урянхайской землѣ.

По свѣдѣніямъ Усинскаго Пограничнаго Управленія въ 1908 году въ Урянхайской землѣ было до 80 торговыхъ факторій, разбросанныхъ по всей площади Урянхайскихъ кочевій. Обороты торговли почти не поддаются учету, за отсутствіемъ таможенныхъ и другихъ наблюденій; приблизительно же считаютъ ихъ, одни 660/т. р. (инженеръ Родевичъ 1907 г.) другіе 2, 500,000 рублей, (свидѣтельство Минусинскихъ купцовъ 1909 г.) однако въ послѣднее время, съ 1903 года, обстановка русской торговли стала рѣзко измѣняться.

Въ Урянхайскихъ кочевьяхъ появились китайскіе купцы. Пользуясь покровительствомъ высшей китайской администраціи Монголіи, китайцы ведутъ торговлю особымъ, китайскимъ, способомъ; они безъ отказа даютъ въ кредитъ всякому кочевнику, не спрашивая правоспособенъ онъ или нѣтъ, не забывая при этомъ, конечно, накладывать львиныя проценты; полученіе долговъ обезпечено, такъ какъ китайцы предъявляютъ свои требованія хошуннымъ властямъ и тѣ изъ боязни передъ Улясутайскими властями, собираютъ долги со своего хошуна или уплачиваютъ своими табунами, а потомъ „дѣло ихъ“ получать съ бѣдняковъ. Такимъ образомъ китайцы, получая 400% за товаръ, выданный въ долгъ, могутъ за наличные продавать предметы даже дешевле своей стоимости, и очевидно, у кого есть деньги, то онъ идетъ къ китайцу, такъ какъ русскій торгующій, неимѣя возможности ставить такимъ образомъ свои торговые обороты, конечно принужденъ продавать товаръ дороже китайцевъ, тѣмъ болѣе, что главная часть товаровъ: далембу и чай русскіе покупаютъ у тѣхъ же китайцевъ и по цѣнѣ выше той, по которой китайцы продаютъ ихъ за наличные деньги Урянхамъ.

Такъ что у русскихъ берутъ въ долгъ тѣ благоразумные урянхи, которые еще пользуются какимъ нибудь довѣріемъ русскихъ и только потому, что при такой комбинаціи, т. е. полученія китайскаго товара въ кредитъ же, но черезъ русскіе руки, они платятъ меньшій процентъ. Пока будетъ продолжаться безправное положеніе урянховъ у китайской власти, тѣсно связанной съ крупными китайскими фирмами Монголіи, положеніе урянховъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русской торговли будетъ очень прогрессировать къ упадку. Скоро наступитъ время, когда у урянховъ уже ничего не будетъ, такъ какъ весь скотъ ихъ будетъ принадлежать китайцамъ и вся добыча пушнины изъ русскихъ лѣсовъ перейдетъ китайцамъ за долги. Наши русскія торговыя фирмы уже и теперь почти половину товаровъ для торговли берутъ у китайцевъ, да у нихъ же покупаютъ и пушнину, а товары изъ Россіи доставляютъ уже не для продажи непосредственно урянхамъ, а китайцамъ для эксплоатаціи ими кочевниковъ. Только съ измѣненіемъ положенія пограничнаго вопроса и послѣ подчиненія урянховъ Россіи, возможно будетъ остановить хищничество китайцевъ, поднять благосостояніе урянховъ и русская торговля при развитіи своей же свободной конкуренціи можетъ сильно окрѣпнуть, достигнувъ, можетъ быть десятковъ милліоновъ рублей.

Черезъ Урянхайскій край русскіе уже давно пытаются вести торговлю съ Монголіей, эта торговля, не смотря на отсутствіе порядочныхъ путей, все крѣпнетъ и въ 1908 году достигла: ввозъ въ Монголію 240,890 рублей и вывозъ изъ Монголіи 204,780 рублей, т. е. общій оборотъ около полмилліона рублей. Если будетъ открыто пароходство по рѣкѣ верхнему Енисею, то монгольское сырье пойдетъ черезъ хребетъ Танну-Ола на верхній Енисей и, вѣроятно, прямо заграницу, можетъ быть рѣкою Енисеемъ, даже черезъ Карское море, и тогда обратно изъ за границы повезутъ ту самую англійскую далембу, которую китайцы провозятъ черезъ Тянъ-дзинъ, Кукухото и Улясутай и продаютъ въ Урянхайской землѣ по 1 руб. 20 коп. штука, тогда какъ далемба русскаго производства-худшаго достоинства въ Москвѣ стоитъ 1 руб. 80 коп. Весьма возможно, что, ввозя тѣже заграничные товары черезъ Россію и Енисей, русскіе купцы будутъ въ состояніи продавать ихъ въ Монголію значительно дешевле китайцевъ.

Такимъ образомъ Урянхайскій край можетъ послужить транзитной территоріей для экономическаго вліянія Россіи и на Монголію.

Колонизація.

За золотопромышленниками и торговцами потянулись въ Урянхайскій край и русскіе хлѣбопашцы, сначало въ роли рабочаго, а затѣмъ приступили въ **чужой** (?) землѣ къ своему **родному** дѣлу-земледѣлію.

Начиная съ половины прошлаго столѣтія въ Урянхайской землѣ начали возникать русскіе земледѣльческіе поселки и къ 1908 году, кромѣ селеній верхне - Усинскаго, нижне-Усинскаго и Усть-Усинскаго на смежной съ Урянхайской землей, но въ безспорной русской территоріи, (общимъ числомъ около 600 дворовъ, до 5000 жителей), уже **въ предѣлахъ Урянхайской земли** имѣются поселки: Туранскій (70 дворовъ), Уюкскій (30 дворовъ), Булукскій (10 дворовъ), Чжакульскій (10 дворовъ), Себинскій (19 дворовъ), Карагашъ (2 двора), Ортыгаловка (2 двора), Усть-Бренскій (10 дворовъ) и кромѣ того значительное число заимокъ-хуторовъ (торговыя факторіи); всего съ хуторами считается 96 поселеній съ 325 домами; русскихъ жителей въ Урянхайской землѣ насчитывается 1000 мужчинъ, 800 женщинъ и 300 человѣкъ рабочихъ, а всего 2100 человѣкъ. Во многихъ поселкахъ занимаются хлѣбопашествомъ. Возникло нѣсколько и крупныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ „заимокъ“ въ Турано-Уюкской степи.

Еще въ 1903 году [1]) хлѣба ввозилось къ Урянхамъ на 7000 руб. изъ „Россіи“ [2]), а уже въ 1908 году хлѣбъ не только не ввозился, но уже вывозился въ Минусинскій уѣздъ. Еще въ 1903 году только рѣдкіе урянхи—кочевники покупали хлѣбъ для своего пропитанія, а питались консервированнымъ молокомъ и кореньями, а нынѣ уже рѣдкій даже самый бѣдный урянхъ не питается хлѣбомъ. Русское земледѣліе въ Урянхайской землѣ обезпечиваетъ хлѣбомъ не только русское населеніе приграничнаго округа, но и урянховъ, рабочихъ пріисковъ и уже замѣчается перепроизводство а крупные торговцы подумываютъ объ экспортѣ хлѣба въ Монголію. По свѣдѣніямъ пограничнаго управленія (1908 г.)

---

[1]) См. книгу „Черезъ Саяны и Монголію“, стр. 142.
[2]) т. е. Минусинскаго уѣзда.

снято хлѣба 13042 четверти и 1250 четвертей картофеля. Для дальнѣйшаго развитія хлѣбопашества имѣются всѣ основанія: по правымъ притокамъ верхняго Енисея имѣются огромныя пространства, вполнѣ удобныя для хлѣбопашества,[1]) по долинѣ р. Малаго Енисея и въ степяхъ лѣваго берега Верхняго Енисея, почти до хребта Танну-ола, т. е. на 100—150 верстъ долготы, имѣются прекрасныя для хлѣбопашества мѣста. Новые поселки на Маломъ Енисеѣ уже это доказали, онѣ сѣютъ тамъ пшеницу, просо, гречу, арбузы созрѣваютъ на поляхъ очень большихъ размѣровъ и хорошаго нѣжнаго вкуса. Если земля эта будетъ признана нашей, то край можетъ быстро заселиться и сдѣлаться культурнымъ.

Скотоводство.

Причины возникновенія **русскаго скотоводства** описаны въ цитированной выше книги [1]). Во время моего проѣзда въ 1903 г. у Андрея Павловича Сафьянова насчитывалось въ его, табунахъ 2000 лошадей, нынѣ уже считается 4000 лошадей это показываетъ какъ серьезно прогрессируетъ русское скотоводство. Въ брошюрѣ Булгакова [2]) по свѣдѣніямъ 1907 г. даны данныя о скотоводствѣ только въ Туранско - Уюкской степи.

По его матеріаламъ только у крупныхъ скотоводовъ, Вавилина, Медвѣдева, Ведерникова, Шепелина, Хабарова: Чиркова, А. П. Сафьянова-пасется до 10000 лошадей, до 9000 головъ рогатаго скота; но нужно имѣть въ виду, что у тѣхъ же скотоводовъ пасется скотъ и еще за рѣкой Верхнимъ Енисеемъ въ Бренской и другихъ степяхъ, что имѣется еще нѣсколько другихъ крупныхъ скотоводовъ, въ другихъ мѣстахъ Урянхайскаго края: Бяковъ, Вильнеръ, Боярскій, Г. П. Сафьяновъ и много другихъ, которые пасутъ тоже очень крупные свои стада въ долинахъ Кемчика, Тапсы и другихъ; наконецъ, нѣтъ ни одного русскаго, живущаго осѣдло въ Урянхайской землѣ, у котораго не было бы нѣсколько десятковъ рогатаго скота, овецъ и лошадей. Въ деревняхъ Туранѣ и Уюкѣ есть крестьяне, имѣющіе по 500 головъ рогатаго скота и по 100 лошадей. Словомъ пока русскій скотъ еще не учтенъ, но нужно считать его десятками

[1]) См. тамъ-же.
[2]) Булгаковъ „Верховья Енисея“ стр. 32.

тысячъ; инженеръ Родевичъ приблизительно считаетъ 12.000 головъ рогатаго скота, 20 000 лошадей и 10.000 овецъ, и мнѣ думается, что эта цыфра сравнительно довольна скромная. Такое скотоводство имѣетъ уже государственное значеніе. Стоитъ раззорить это русское скотоводство, какъ Иркутскъ и Иркутская губернія, Минусинскъ и часть Енисейской губерніи почувствуютъ недостатокъ мяса. Табуны лошадей начинаютъ снабжать военное вѣдомство ремонтными лошадьми; а въ 1908 году у одного Сафьянова ремонтной комиссіей было куплено больше 200 строевыхъ лошадей.

Второстепенные интересы.

Можно прибавить еще нѣкоторые тоже довольно крупные и другіе русскіе интересы, какъ-то: мараловодство, (теперь уже насчитываютъ больше 1500 домашнихъ мараловъ), рыболовство и другіе промысла.

Всѣ эти крупные, можно сказать государственные, русскіе интересы въ Урянхайскомъ краѣ, конечно, трудно вполнѣ учесть и выразить въ цыфрахъ, но, думается, можно назвать ихъ милліонными, но къ сожалѣнію они ровно ни чѣмъ не обезпечены и зависятъ исключительно отъ доброй воли дикарей-Урянховъ.

Отношеніе урянховъ къ русскимъ.

Начало недоразумѣній между урянхами и русскими въ Урянхайской землѣ относится къ началу нашей осѣдлой торговли и заселенію, т. е. къ 1860 г., какъ было указано выше.

Борьба урянховъ съ русскими питалась Урянхайскими чиновниками, которые до появленія русскихъ и вслѣдствіе категорическаго строгаго запрещенія китайскаго правительства своимъ подданнымъ переходить границу (хребетъ Танну-Ола), были единственными торговцами и только потому, что они время отъ времени ѣздили въ Улясутай по службѣ и провозили попутно и товары; а потому появленіе русскихъ для китайскихъ чиновниковъ было не желательно.

Къ глубокому прискорбію русскіе власти во всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ поддерживали урянховъ въ ихъ правѣ распоряжаться судьбами русской торговли, и колонизаціи, т. к. вмѣсто разбирательства дѣлъ своей русской властью, мы обращались къ китайскимъ властямъ (какъ уже сказано выше), а чиновникъ Осташкинъ напримѣръ, неразобравшись въ вопросѣ о границѣ послѣ осмотра знаковъ, поставленныхъ

сержантомъ Пестеревымъ, не только увѣрялъ русскую власть, что поселки и пріиски за русской границей, но даже умудрился и урянхамъ засвидѣтельствовать, что землю русскіе копаютъ (т. е. золото) въ китайской землѣ. Такое заявленіе чиновника отъ Генералъ-Губернатора конечно еще болѣе давало поводовъ думать Урянхайскимъ чиновникамъ что они хозяева края.

Въ послѣднія годы, когда начали увеличиваться русскіе стада, пашни и сѣнокосы, у урянховъ явилось уже опасеніе за недостатки луговъ и пастбищъ съ одной стороны, а съ другой отсутствіе твердой политики Россіи въ этой странѣ создали безпомощное положеніе русскихъ, незащищенныхъ ни какими договорами, правами и ни какою властью, что естественно вызывало желаніе со стороны урянхайскихъ чиновниковъ эксплоатировать въ свою пользу это безправное положеніе русскихъ.—Однако до русско-японской войны недоразумѣнія между урянхами и русскими носили только случайный характеръ.

Но началась русско-японская война, урянхи чутко прислушивались къ результатамъ нашей борьбы съ желтолицами. Русскіе піонеры, малокультурные, не сдерживаемые въ чужой странѣ государственнымъ воспитаніемъ, шедшія за общимъ голосомъ русской лѣвой печати, передавали урянхамъ о неудачахъ русскихъ войскъ, о пораженіяхъ, о бѣгствѣ русскихъ войскъ и т. д. Китайскіе торговцы, появившіеся здѣсь передъ самой войной, со своей стороны и, конечно въ своихъ интересахъ еще болѣе оттѣняли наши неудачи и побѣды Японцевъ. И вотъ Урянхи потеряли уваженіе къ русской силѣ. А извѣстно, что азіатъ живетъ воображеніемъ и уважаетъ силу. Для дикаго кочевника, безправнаго окруженнаго съ двухъ сторонъ русскими и китайцами беззастѣнчиво распоряжающимися: первые—ихъ землями, вторые—ихъ достояніемъ и жизнію—можетъ ли существовать уваженіе къ праву. Да и какія имѣютъ права русскія въ Урянхайской землѣ? Для русской торговли есть договорныя права тамъ, за линіей монгольскихъ карауловъ, въ Монголіи, но не здѣсь, въ Урянхайской землѣ. Здѣсь у русскаго никакихъ правъ нѣтъ, такъ какъ русское правительство край не считаетъ своимъ, и въ тоже время ника-

кихъ соглашеній съ Китайской имперіей для защиты русскихъ интересовъ въ Урянхайской землѣ не установило.

На этой почвѣ начинала создаваться въ Урянхайской землѣ нездоровая почва. Все чаще и чаще стали проявлятся взаимныя недоразумѣнія между русскими и урянхами. Впереди всѣхъ пошелъ Кемчикскій Ухэрида Хайдубъ, человѣкъ умный отъ природы, изъ простыхъ пастуховъ, достигшій положенія почти владѣтельнаго князя, крайне честолюбивый, хитрый и властолюбивъ до мечтательности; китайцамъ такой человѣкъ былъ очень полезенъ. За огромныя взятки въ Улясутаѣ китайскія власти ежегодно все сильнѣе и сильнѣе подогрѣвали его честолюбіе, увеличивали его права, китайцы торговцы, окружившіе его въ кочевьяхъ, подталкивали дѣйствовать противъ русскихъ, что-бы, уничтоживъ себѣ конкуренцію, хозяйничать полноправно въ Урянхайской землѣ.

Еще въ 1903 году, Кемчикъ-гольскій Ухэрида Хайдубъ началъ притѣснять дѣятельность русскихъ торгующихъ, высказывая еще и тогда, что бы русскіе выѣхали изъ долины Кемчика, стѣсняя ихъ торговлю всѣми средствами.

Такія притѣсненія и непріязненныя отношенія повторялись потомъ ежегодно и уже въ 1905 году достигли до дерзкаго обращенія съ чиновниками VI класса: бывшимъ Усинскимъ Начальникомъ, Статскимъ Совѣтникомъ Александровичемъ и Окружнымъ Горнымъ Инженеромъ Надворнымъ Совѣтникомъ Волконскимъ, которымъ ухэрида Хайдубъ не только не оказалъ простого установленнаго дружественными отношеніями и обычаями гостепріимства, но, скрывшись за своеволіемъ своихъ чиновниковъ, заставилъ ихъ выѣхать съ Кемчискихъ кочевій подъ угрозою дерзкой расправы съ ними толпы урянховъ. Оставшись послѣ этихъ своихъ дерзкихъ международныхъ дѣйствій у власти, Ухэрдда Хайдубъ продолжалъ развивать свои дерзко непріязненныя дѣйствія не только противъ русскихъ, живущихъ и торгующихъ въ Кемчикскихъ кочевькхъ, но началъ дерзко переходить своими распоряженіями за предѣлы кочевій урянховъ. Такъ лѣтомъ 1907 года по его порученію, нѣсколько чиновниковъ, безъ всякаго разрѣшенія и вѣдома нашего Пограничнаго Начальника, тайно, отъ русскихъ работали на границѣ меж-

ду долинами рѣкъ Кемчика, Ури и устьевъ р. Уса, наложивъ рядъ кучъ камней, съ цѣлью создать пограничныя затрудненія между двумя Государствами, предполагая, вѣроятно, въ послѣдствіи сказать, что эти кучи камней есть пограничные знаки, но уже въ безспорныхъ владѣніяхъ Россіи, почти на сто верстъ сѣвернѣе поставленнаго ранѣе*) пограничнаго съ урянхами знака № 23 (при устьѣ Кемчика).

Весною 1908 года, въ половинѣ Апрѣля, Ухэрида Хайдубъ собралъ незаконное совѣщаніе изъ своихъ чиновниковъ, русскихъ и китайскихъ торгующихъ и, не сообщивъ ничего Усинскому Пограничному Начальнику, обсуждалъ вопросы о положеніи русскихъ въ Кемчикскихъ кочевьяхъ и затѣмъ, опираясь на это совѣщаніе распорядился выселеніемъ всѣхъ русскихъ за исключеніемъ нѣсколькихъ фирмъ. Когдаже по этому вопросу Усинскій Начальникъ началъ принимать свои мѣры, то Ухэрида Хайдубъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ русскихъ, постарался замять недоразумѣніе и на время отказался отъ выселенія русскихъ.

Лѣтомъ 1908 года одинъ изъ чиновниковъ Хайдуба Эсту Джаланъ насильственно съ толпой урянховъ разгромилъ русскаго купца Монастыршина, уничтоживъ его складъ, и насильно присвоивъ строевыя деревья, взялъ ихъ себѣ.

Осенью 1908 года, когда командированный въ Усинскій округъ русскій чиновникъ окончилъ отпланировку земель для поселка Усть-Усинскаго и уѣхалъ, Ухэрида Хайдубъ приказалъ своимъ чиновникамъ уничтожить землемѣрные значки, находящіеся въ беспорной русской территоріи (на 80 верстъ сѣвернѣе пограничнаго съ урянхайскими кочевьями знака № 23 у Бомъ-Кемчика).

Осенью (въ сентябрѣ 1908 года) распоряженіемъ того же Ухэрида Хайдуба было запрещено урянхамъ, проживающимъ уже давно около русскихъ селъ пограничнаго округа, пасти русскія стада, но тѣ же урянхи были оставлены кочевать въ русскихъ предѣлахъ.

Въ Ноябрѣ 1908 года Ухэрида Хайдубъ отдалъ приказъ выселить всѣхъ русскихъ тотъ часъ же, и къ купцу Максиму Бякову явились урянхи—чиновники съ требованіемъ

*) Сержантомъ Нестеревымъ.

разломать его мельницу, а жилыя постройки передать въ собственность хошуна; когда же Максимъ Бяковъ переговорилъ съ Хайдубомъ о невозможности исполнить его требованія, то Ухэрида разрѣшилъ ему, и купцамъ Вавилину, Валееву и Медвѣдеву оставаться для торговли, но дать подписку, что ихъ недвижимое имущество, по закрытіи торговли, будетъ передано Кемчикскому хошуну въ собственность, а отъ остальныхъ русскихъ подъ угрозою насилія взялъ подписки закончить всякія дѣла въ сорокъ дней и выѣхать навсегда въ Россію

Наконецъ, распоряженіемъ того же Ухэриды Хайдуба въ концѣ декабря 1908 года были поставлены урянхайскіе караулы на русской территоріи, а именно: у самаго русскаго поселка Усть-Усинскаго, затѣмъ въ верховьяхъ рѣкъ Юргуни. Серлиха, Темерсука и другихъ, вѣроятно, съ намѣрсніемъ напасть на русскіе поселки и пріиски и разграбить ихъ, такъ какъ въ Декабрѣ дѣйствія Урянхайскаго караула у поселка Усть-Усинскаго были настолько дерзкими, что выразились въ остановкѣ русскихъ торговыхъ каравановъ и купцовъ, слѣдовавшихъ частью въ Монголію, частью на русскіе пріиски и деревни.

Въ своихъ многочисленныхъ сношеніяхъ по этимъ всѣмъ, созданнымъ имъ же Ухэридой Хайдубомъ, недоразумѣніямъ съ Усинскимъ Пограничнымъ Начальникомъ, онъ, не отрицая не только всѣхъ нарушеній мирныхъ дружественныхъ торговыхъ сношеній, но даже дерзкихъ въ отношеніи неприкосновенности русской территоріи, обыкновенно сваливалъ всю вину на самоуправство его же мелкихъ чиновниковъ, но въ свою очередь не только не прекращалъ этихъ самоуправствъ, но съ очевидностью ихъ поощрялъ, что и подтвердилось показаніями Урянховъ арестованныхъ мною на караулѣ около устья р. Уса.

Къ дѣйствіямъ Кемчикскаго Ухэриды чутко прислушивались уряихи по всѣмъ хошунамъ и смотрѣли какихъ результатовъ достигнетъ Ухэрида Хайдубъ. Начавшіеся еще весною 1908 года особенно дерзкія выходки противъ русскихъ безнаказано прогрессировали. Мѣстная русская власть, имѣя 6 казаковъ въ своемъ распоряженіи, не будучи уполномочена какъ дѣйствовать въ такихъ случаяхъ, ничего и не могла предпринять, что бы осадить забывшагося азіата.

Уже въ концѣ декабря и въ другихъ хошунахъ къ русскимъ торгующимъ переселенцамъ начали появляться посланцы—урянхи и нащупывать почву, спрашивая: „а, что будетъ изъ затѣи Хайдуба“, или: «русскіе не поправу захватили наши мѣста», на пріискахъ появились дясятки урянховъ и заявляли, что „русскіе не имѣтъ права копать ихъ землю“. Агитація отъ Кемчикскаго Ухэриды шла самая усиленная, его чиновники разъѣзжали по остальнымъ хошунамъ и уговаривали поддержать дѣйствія Хайдуба противъ русскихъ. Разграбить стада въ пятьдесятъ тысячъ головъ, пріиски, запасы товаровъ, хлѣба-было бы для безправнаго, голоднаго народа, конечно, не дурно. Подъ русскій новый годъ (1909) въ поселокъ Булукъ явилось нѣсколько урянховъ и, нащупывая почву, говорили, что приказано монгольскіе караулы снять и поставить урянхайскіе караулы по рѣкѣ Енисею. Это, очевидно, были послѣдствія самовольной постановки карауловъ Хайдубомъ на русской территоріи. Извѣстно, что азіатъ начиная дѣйствовать хитро, осторожно, но при успѣхѣ, становится дерзокъ до безпредѣльности и храбрый до безмѣрности, зато при рѣшительномъ жестокомъ пораженіи онъ трусливъ до паники.“

Такимъ образомъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1909 года обстановка въ Урянхайскомъ краѣ создавалась, относительно, довольно угрожающая для интересовъ нашихъ рускихъ піонеровъ этого края. Дикая, незнающая никакихъ правъ и справедливости, несдерживаемая никакою внѣшнею силою, орда кочевниковъ урянховъ могла распорядиться съ нашими поселками, факторіями, пріисками, огромными стадами лошадей и скота по своему, т. е. по просту разграбить, а тамъ гдѣ встрѣтила бы сопротивленіе произошли бы убійства, пожары и полное уничтоженіе, какъ это уже имѣло мѣсто въ концѣ 60-хъ годовъ съ факторіей Веселкова, а позже и другихъ.

Ликвидація недоразумѣнія 1908 г.

4-го Января 1909 года я прибылъ съ командой 28 ч. въ поселокъ Усть-усинскій, а затѣмъ въ виду предоставленной мнѣ Командующимъ войсками округа свободы дѣйствій, въ тотъ-же день внезапнымъ нападеніемъ на урянхайскій караулъ, арестовалъ его, и принялъ рядъ мѣръ чтобы показать дикарямъ, что русскіе здѣсь не беззащитны. Положеніе быстро измѣнилось, характеръ дикаря азіата сказался: дерзкая наглость, доходящая почти до разбоя, смѣнилась полной паникой, разлетѣвшейся по всей Урянхайской землѣ.

Дальнѣйшими дипломатическими переговорами сначала на мѣстѣ, а затѣмъ въ Пекинѣ дѣло окончилось устраненіемъ отъ должности Ухэриды Хайдуба, а затѣмъ внезапною таинственною его смертью.

Однако пока вопросъ о принадлежности Урянхайской земли Россіи или Китаю окончательно не выяснится **наши интересы здѣсь необезпечены и повтореніе происшедшаго всегда возможно ожидать.**

Ш. Пограничный вопросъ.

Граница Россійской Имперіи съ Китаемъ на пространствѣ отъ города Кяхты на западъ до Алтая, т. е. до кочевьевъ калмыковъ (въ историч. докумен. владѣнія эти называются Кантайшина, владѣтельнаго хана калмыцкаго, въ то время ведшаго борьбу съ Китаемъ и независимаго отъ Россіи), опредѣлена уполномоченнымъ Россіи графомъ Рагузинскимъ въ 1727 году, договорами Буринскимъ 20-го Августа 1727 года, Кяхтинскимъ 20-го Октября 1727 года. [1]) Въ обоихъ этихъ договорахъ о направленіи границы говорится почти одно и тоже:

«Въ правую сторону начиная отъ перваго знака, который между Кяхтой и Орогойту, граница да будетъ черезъ Орогойтъ-ола, Тыменъ-кудзуйнъ, [2]) Бичикту-хошегу, Булесогу-оло, Куку-челотуйнъ, Хонгоръ-обо, Янхоръ-ола, Богосунъ-ама, Гудзанъ-ола, Хутурайту-ола, [3]) Кукунъ-наругу, Бугуту-дабага, Удынъ-дзойнъ-наругу, Дошиту-добага, Кысыныкту-дабага, Гурби-дабага, Нукуту-дабага, Ергикъ таргакъ тайга, [4]) Торосъ-дабага, Кынзе-меде, Хонинъ-дабага, [5]) Кемчикъ-бомъ, Шабина-дабага.

---

[1]) Китайскій договоръ подписанъ былъ собственно въ 1728 г., но рѣшили его считать подписаннымъ 20 Октября 1727 года.

[2]) Въ Пол. Соб. Св. Зак. Кудзикъ.

[3]) Въ пол. Соб Св. Зак. Хутурокту.

[4]) Въ Пол. Соб. Св. Зак. Тарганъ.

[5]) Въ Пол. Соб. Св. Зак. Кынзе Медхонинъ Дабага.

По вершинѣ тѣхъ хребтовъ держаться и по серединѣ раздѣлить и границу причесть. Между ими поперекъ какіе хребты, и рѣки прилегли, хребты и рѣки пополамъ пересѣчь и равномѣрно раздѣлить.

По всему вышеписанному разграниченію отъ Шабинадабага до Аргуни сѣверная сторона Россійской Имперіею да будетъ. А полуденная сторона Серединною Имперіею да будетъ».

Къ договорамъ приложены: 1) размѣнное письмо, составленное стольникомъ Колычевымъ, производившимъ фактическое разграниченіе на мѣстѣ, совмѣстно съ китайскими уполномоченными и поставившаго на мѣстѣ 24-е пограничныхъ знака, и 2) реестръ знаковъ приложенныхъ къ размѣнному письму съ описаніемъ гдѣ эти знаки поставлены, 3.) наконецъ составлена ландкарта пограничной линіи[1]). Ходъ событій и переговоровъ по проведенію границы изложенъ въ реляціяхъ графа Рагузинскаго Правительствующему Сенату, изъ которыхъ, казалось-бы, особенно интересны 31-е августа 1726 г., 28 августа 1727, 6 октября 1727 г. и 22-го апрѣля 1728 года. Всѣ эти реляціи хранятся въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, казалось, что работа графомъ Рагузинскимъ была сдѣлана обстоятельно и документовъ для опредѣленія границы было какъ будто-бы вполнѣ достаточно.

Однако уже въ началѣ 1770-хъ годовъ мѣстныя сибирскія власти не могли не только найти на мѣстѣ пограничныхъ знаковъ, но даже и дорогъ ведущихъ къ нимъ и потому Иркутскій Губернаторъ Брюль поручилъ Красноярскому Коменданту **отыскать пограничные знаки**, описать окрестности ихъ и дороги ведущія къ нимъ. Комендантъ обратился за помощью къ Тобольскому-Губернатору Чегирину и послѣдній командировалъ для этой цѣли въ 1772 году сержанта Пестерева, который въ продолженіи 15 лѣтъ изучалъ вопросъ о нашей границѣ и самостоятельно вновь опредѣлилъ границу, поставилъ новые пограничные знаки и

[1]) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ эта ландкарта составлена не вовремя самой работы на мѣстѣ, а спустя годъ въ канцеляріи Рагузинскаго топографами Кушалевымъ, Зиновьевымъ и Вальцевымъ.

притомъ безъ всякаго участія уполномоченныхъ съ китайской стороны и безъ всякаго новаго договора и такимъ образомъ своей работой создалъ ту путаницу въ пограничномъ вопросѣ, съ которой Россіи приходится считаться до настоящаго времени. Вотъ какъ описывалъ свои поѣздки Пестеревъ:

(Извлечено изъ статьи Пестерева, напечатанной въ «Magasin Asiatigue» **Клапрота** (1825 г. Парижъ. Страницы отъ 123 до 172) статья: «Remarques sur les peuples qui habitant la frontiere Chinoise» de 1772 à 1781 г. Par Egor Pestereff).

«Въ Красноярскѣ не было землемѣровъ, почему Комендантъ обратился къ Тобольскому Губернатору Ч е р и н у, который въ 1772 году отправилъ меня осмотрѣть границы Абаканскаго округа (нынѣ Минусинскаго), что я исполнилъ въ продолженіи лѣта, представивъ карту и описаніе Брюлю, который убѣдился, что съ 1728 года Абаканская и Удинская границы вовсе не описаны, даже Правительство не имѣло точныхъ данныхъ объ ихъ положеніи Б р ю л ь— приказалъ мнѣ разыскать знаки отъ Ергикъ-Тейгакъ, въ Иркутской губерніи до Шабинъ-дабага, въ прежней Дунгарской землѣ, подвѣдомственной Красноярску.

Я отправился въ 1773 году. Такъ какъ никто не проѣзжалъ по границамъ отъ одного знака до другого, то я даже не имѣя опытныхъ вожаковъ, прошелъ черезъ рѣки: большую и малую Оку, Ію, и Уду, на послѣдней, выбралъ мѣсто для караула, и по устройствѣ укрѣпленія, помѣстилъ Красноярскихъ казаковъ изъ удинской команды.

Оттуда, по весьма худой дорогѣ черезъ скалы, лѣса, топи и горы, достигъ верховья Бирюсы и Кана; затѣмъ по рѣкѣ **Шиндѣ** вышелъ, вблизи Шадатскаго караула, къ пограничному знаку Хонинъ-Дабага (съ монгольскаго: баранья гора), близъ котораго я **не нашелъ дѣйствительной границы.** Не ожидая китайскихъ комиссаровъ, я отправился черезъ Оядъ къ знаку при устьѣ Кемчика, по дорогѣ туда встрѣтилъ трехъ китайскихъ чиновниковъ, у которыхъ не могъ узнать ничего положительнаго о границѣ, хотя по договору Усъ и его притоки: Коярть, Шарасна, Омылъ и Иджимъ, должны бы принадлежать Россіи. Китайцамъ я объявилъ,

что такъ какъ они и я не знаемъ подлинной границы, то и слѣдуетъ провести ее **прямыми линіями** отъ знака до знака (см. стр. 135) или по склонамъ горъ и по теченію рѣкъ.

Не вступая въ споръ съ Китайцами, я вернулся на границу, а потомъ въ Иркутскъ, гдѣ представилъ свои изслѣдованія Губернатору, который вновь поручилъ мнѣ окончить осмотръ границы. Въ 1774 году, устроивъ казармы въ Удинскомъ и Окинскомъ караулахъ, вблизи границъ, я продолжалъ разъѣзды по направленію Ергикъ-Тайги до Кузнецкаго округа. Изъ Окинскаго караула я прошелъ черезъ Сенцу и Джунгулакъ на Торосъ-Дабага (гдѣ теперь 19-й знакъ); оттуда, слѣдуя почти безъ дороги, я достигъ рѣки Систекема (считаемаго многими за Амылъ), гдѣ встрѣтилъ китайскихъ сойетовъ, а потомъ 18-го августа, видѣлся съ сойетскимъ начальникомъ Ухэридой М у н к е, который сперва призналъ меня не за коммисара, а за шпіона но, по осмотрѣ моихъ вещей, не нашедши ничего подозрительнаго, повѣрилъ мнѣ, а между тѣмъ продержалъ три недѣли, такъ, что наступила осень, почему я съ трудомъ вернулся безъ дороги, по Кандату и Амылу, въ Шадатскій караулъ, не имѣя вожаковъ и провизіи, которой хватило только на три дня.

Въ 1775 году я отправился изъ Т а ш т ы б а къ Ш а б и н ъ - Д а б а г у и знаку на Кемчикѣ, по старой Китайской дорогѣ; переправившись черезъ К а н т и г и р ъ, пошелъ вверхъ по Т о с л ѣ, достигъ И ш к и м а, гдѣ сойеты преградили мнѣ дорогу, а по прибытіи ихъ Начальника (22-го августа) отказались вести къ К е м ч и к у.

Распрашивая сойетовъ, я убѣдился, что они **не знали границы** между Ш а б и н ъ - Д а б а г а и К е м ч и к о м ъ ибо совѣщались между собой, какъ мнѣ отвѣтить. Чтобы не затруднять сойетовъ, я сказалъ, что отправляюсь на Т о с л у, для указанія границы будущимъ коммисарамъ. Въ вершинѣ Тослы, на горѣ поставилъ крестъ[1]), который сойеты на слѣдующій годъ уничтожили, относя къ нему изобиліе снѣга зимой и гибель скота.

[1]) Т. е. знакъ № 24, такъ называемый Шабинъ-Дабага?

Отъ Шабинъ-Дабага я предполагалъ пройти черезъ земли двое-данцевъ, въ Новиковскій постъ. но въ верховьяхъ Кантигира и далѣе путь былъ не возможенъ, по его не проходимости,—притомъ у меня не было вожака.

Въ 1776 году я ѣздилъ изъ Саянской станицы Енисеемъ къ знаку на устьѣ Кемчика.

Въ 1779 году былъ на берегахъ Иджима и Уса, гдѣ нашелъ деревянный крестъ, вмѣсто котораго поставилъ новый, для обозначенія границы. Затѣмъ проплылъ Енисейскіе пороги.

Въ 1779 году я осмотрѣлъ границу повсюду.

1780 году посѣтилъ границу Колыванской губерніи (нынѣ Алтайскій горный Округъ Тобольской губерніи). дозволилъ по просьбѣ китайскихъ чиновниковъ, охотиться на нашихъ земляхъ.

Въ 1787 году, оставляя должность пограничнаго комисара, я сдѣлалъ послѣднее путешествіе. для указанія границъ моему пріемнику.

Мы видимъ изъ этого собственноручнаго описанія Пестерева, что знаковъ №№ 24, 23, 22, 21, 20, 19 и 18 не было въ дѣйствительности въ 1770 годахъ и что эти знаки поставилъ Пестеревъ, кромѣ того составилъ описаніе и карту; которые очевидно и послужили основаніемъ для составленія нашей государственной карты изданія Главнаго Штаба, которой къ сожалѣнію мы руководствуемся и до сихъ поръ.

Я обращаю вниманіе читателя на оцѣнку этого событія: 1) можно-ли считать работы сержанта Пестерева столь слабо обставленныя и въ техническомъ, научномъ и юридическомъ отношеніи, за основаніе къ возстановленію утерянной нашей русской границы по Саянскому хребту, и не могъ-ли бы съ такимъ-же успѣхомъ сержантъ Пестеревъ, если бы онъ былъ одаренъ большимъ научнымъ багажемъ, провести границу и по всякому другому направленію, напримѣръ по хребту Танну-ола или на оборотъ гдѣ нибудь въ Минусинскихъ степяхъ?

2) Какое юридическое значеніе имѣютъ пограничные знаки поставленные Пестеревымъ?

Тѣмъ не менѣе съ этого времени Россія была насильно притянута къ пограничной чертѣ, установленной сержантомъ Пестеревымъ по Саянскому хребту, т. к. караулы поставленные тѣмъ же Пестеревымъ отнынѣ уже оберегали эти знаки, ѣздили на нихъ и тамъ встрѣчались съ китайскими и урянхайскими властями.

Какъ уже выше было отмѣчено, съ начала 50-хъ годовъ прошлаго XIX столѣтія началось движеніе русскихъ піонеровъ черезъ глухую тайгу и горную страну въ Урянхайскую землю и тамъ начали создаваться торговые и золотопромышленные оазисы, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали возникать и недоразумѣнія пограничнаго характера. — Тогда въ Иркутскомъ Генералъ-Губернаторствѣ возникъ вопросъ о границѣ и начались опять попытки отыскать пограничные знаки и въ 1883 году былъ командированъ въ Урянхайскую землю чиновникъ особыхъ порученій Осташкинъ.

Чиновникъ Осташкинъ началъ свою работу по опредѣленію границы со знака № 24, поставленнаго, какъ выше было указано, Пестеревымъ въ верховьяхъ р. Тослы и названнаго почему-то Шабинъ-Дабага. Вотъ описаніе знаковъ составленное Осташкинымъ [1]).

„Знакъ № 24—двѣ кучи камней одна отъ другой въ 30 саженяхъ: на лѣвой кучѣ крестъ и надпись „казакъ Тюменцевъ и Бѣловъ“ и плита съ вырѣзанными славянскими буквами Г. Р. В С, на правой кучѣ деревянный столбъ съ надписями 1869 г. 31-го Іюля Астр. Мирошниченко. Топографъ Токарскій К. Е. Г, на западной сторонѣ Н. Р. У. О. К. З. 1836 г., на восточной сторонѣ К. К. И. Булычевъ 1843 г. $\frac{IV}{VIII}$

Отъ этихъ знаковъ, въ одной верстѣ на голой сопкѣ, по дорогѣ, наложены еще двѣ кучи пирамидально. На одной кучѣ съ правой стороны по дорогѣ отсюда поставленъ столбъ деревянный съ китайской надписью и вырѣзкою „Кузнецовъ“, а на другой кучѣ поставленъ деревянный крестъ съ китайской надписью на верху креста.

---

[1]) Взято изъ доклада чиновника Осташкина Генералъ-Губернатору 1883 г. 2-го Ноября.

№ 23. На лѣвой сторонѣ Кемчика, примѣрно на разстояніи сдной версты отъ берега, на сопкѣ находящейся на поперечной долинѣ, отдѣленной отъ Енисея низкимъ горнымъ хребтомъ, находится 23-й пограничный знакъ, состоящій изъ двухъ кучъ камней сланцевыхъ, сложенныхъ пирамидально, на одной кучѣ поставленъ деревянный крестъ, на которомъ вырѣзано 1846 г., и тутъ же 25 Августа 1883 г. Осташкинъ нашелъ камень со славянской надписью Г. Р. С,

На другой сторонѣ деревянный столбъ со стертою китайскою надписью.

№ 22 знакъ, при соединеніи Шарашты съ р. Каяджи, пирамидальная куча, покрытая мхомъ, травою и деревьями, на верху этихъ камней деревянный крестъ, на верху камней плита изъ сѣраго песчаннаго камня со славянскою надписью „Гр. рос. отсюда“,—Осташкинъ призналъ этотъ хребетъ Хонинъ-Дабага?

№ 21 знакъ: въ 20 саженяхъ отъ дороги пирамидально сложены кучи изъ крупной гальки, покрытой мхомъ травою и деревьями. Вполнѣ сгнившей деревянный крестъ лежитъ сверху кучи камней, покрытый поросшимъ на немъ мхомъ и подъ мхомъ на кучѣ камней плита съ надписью „граница Россіи отсюда“ вблизи на деревьяхъ затеси „1827 года 17 Мая Про. 1854 г. П. М. И. зн.“.

Затѣмъ Осташкинъ прибылъ на вершину Ухунъ-Орга, изъ которой вытекаютъ рѣки Буйба и Аркдокъ впадающіе въ Усъ—Гору эту Г. **Осташкинъ назвалъ** началомъ Эргикъ-таргакъ тайга и что она именно и носитъ названіе Конземеде-Маданъ (откуда онъ это взялъ неизвѣстно?), на этой горѣ Осташкинъ открылъ знакъ № 20 на каменной скалѣ;—куча камней и вырубленный лѣсъ. Куча пирамидальная, вся поросла травою, деревянный крестъ сгнилъ

При чемъ Осташкинъ былъ такъ-же смѣлъ и рѣшительный въ рѣшеніи важнѣйшихъ Государственныхъ вопросовъ какъ и Пестеревъ. Какъ Пестеревъ великодушно разрѣшилъ урянхамъ брать соболей въ русской саянской тайгѣ, такъ и Осташкинъ на вопросъ урянховъ, сказалъ имъ, что „русскіе торгуютъ и добываютъ золото въ предѣлахъ Китайской Имперіи“.

Но случайно нашелся скептикъ, инженеръ Боголюбскій, несогласившійся съ опредѣленіемъ новой пограничной линіи и не признавшій знакъ № 22 Осташкина за дѣйствительный, а указавшій таковой знакъ въ другомъ мѣстѣ. Явились опять сомнѣнія, окончившіяся посылкою въ 1897 году комиссіи Подполковника Баранова для изслѣдованія и одредѣленія пограничныхъ знаковъ.

Комиссія Подполковника Баранова, осмотрѣвъ знаки указанныя чиновникомъ Осташкинымъ, окончательно высказалась слѣдующимъ образомъ:

1) По поводу знака № 22: «указываемый холмикъ, такъ быстро компетентно признанный чиновникомъ Осташкинымъ за 22-й Россійскій пограничный знакъ, мы съ своей стороны **не можемъ признать за дѣйствительный пограничный знакъ**» (см. протоколъ 17 Іюля 1887 года).

2) по поводу знака № 21: „описанную кучу камней признать за 21-й Россійскій пограничный знакъ поставленный согласно Буринскаго договора, **мы признать не можемъ**“. (см. протоколъ 18 Іюля 1887 г. № 2).

3 По поводу знака № 20: „описываемый курганъ признанный чиновникомъ Осташкинымъ за 20 Россійскій пограничный знакъ, поставленный въ 1727 году, мы съ своей стороны **не можемъ признать за пограничный знакъ**“ (см. протоколъ 21 Іюля 1887 г. № 3).

Но комиссіи Подполковника Баранова было поставлено задачей **отыскать** пограничные знаки и она считала себя обязанной ихъ найти. Почему приступила къ отысканію новыхъ пограничныхъ знаковъ на томъ же хребтѣ, но въ другихъ мѣстахъ. Поиски эти увѣнчались успѣхомъ? Вотъ что мы видимъ изъ протокола комиссіи.

1) По поводу пограничнаго знака № 22: на хребтѣ „Сельджиръ“ сложена куча камней. Эту кучу признано называть 22 Россійскимъ пограничнымъ знакомъ. Верстахъ въ двухъ отъ этого знака находится второй, китайскій знакъ, сложенный какъ и первый изъ камней. Въ первой кучѣ не нашли никакихъ досокъ и другихъ признаковъ, во второй нашли три деревянныхъ дощечки разныхъ временъ съ монгольскими надписями. По переводѣ одной изъ надписей

оказалось: „Осмотрѣли границу 6 г. 8 луны 25 числа Цзанги Болотъ Чжи Чжибъ и Тубъ-тунъ“, (въ 1879 году) Принимая во вниманіе, что осмотрѣнные знаки сложены на горѣ упоминаемой въ размѣнномъ письмѣ 1728 г. и что здѣсь имѣется два знака, изъ которыхъ одинъ Россійскій, другой Китайскій, а на послѣднемъ есть доски съ монгольскими вырѣзками, доказывающіе, что Китайскіе власти считаютъ свой знакъ за дѣйствительный, мы знаки эти признали за 22-й Россійскій и Китайскій пограничные знаки поставленные согласно Буринскаго договора... (см. протоколъ № 4 отъ 27 Іюля 1887 года).

Такимъ образомъ, отвергнувъ теорію Осташкина о знакѣ № 22 на рѣкѣ Усѣ (по его мнѣнію на перевалѣ Хонинъ-дабага) Подполковникъ Барановъ нашелъ перевалъ Сальджиръ, перевелъ это слово на монгольскій языкъ „хонинъ добага,“ на немъ нашелъ двѣ кучи камней и найдя въ нихъ три дощечки съ монгольскими надписями, свидѣтельствующими что эти кучи камней урянхайскіе чиновники признавали за пограничные въ 1879 году, рѣшилъ такъ же быстро и компетентно, какъ и чиновникъ Осташкинъ, вопросъ о границѣ Россіи. Между тѣмъ Тубъ-тунъ,—тесть теперешняго молодого Амбань-найона,—джелань ойнорскаго-хошуна, съ которымъ я лично видѣлся въ 1903 году и который мнѣ самъ говорилъ, что Урянхайская земля принадлежитъ Россіи, а не Китаю, такъ какъ раньше урянхи платили подати Русскому Царю?

Почему-же Подполковникъ Барановъ не предположилъ, что и эти кучи камней насыпаны были Пестеревымъ въ 1773 году, а утверждаетъ, что это дѣйствительно знаки 1727 года?

2) Относительно знака № 21 „получивши свѣдѣніе **отъ крестьянина Ильи Бякова**, что въ вершинѣ лѣваго притока Ута-Шаджиръ **есть гора Кинзе-Маде** (эта уже третья по счету) и что тамъ есть знакъ, комиссія отправилась туда и нашла двѣ небольшія кучи камней, при чемъ комиссія получила извѣстіе, что кучи были больше, но ихъ разбросали какіе то китайскіе чиновники. Около кучи нашли дощечку съ монгольскою надписью въ переводѣ „граница Дайцинскаго государства Кеньзенъ-Мада“, при чемъ сойотъ сообщилъ комиссіи, что кучи были осмотрѣны китайскимъ чиновникомъ года

два—три тому назадъ, тогда и была написана упомянутая дощечка; затѣмъ комиссія допустивъ возможность, что это пограничный знакъ, однако сдѣлала заключеніе: **нельзя утвердительно сказать, что эти кучи есть дѣйствительно пограничные знаки поставленные въ 1727 году.**

3) Относительно знака № 20: получивъ свѣдѣніе, что въ верховьяхъ средней Буйбы находятся какіе то знаки, комиссія отправилась туда и на большой плоской вершинѣ нашла **нѣсколько кучъ камней различной величины.** Ни русскихъ ни китайскихъ надписей и признаковъ комиссія не нашла, но тѣмъ не менѣе комиссія почему то рѣшила считать эти кучи за пограничный знакъ (см. протоколъ № 7 отъ 21 Августа 1887 года)?

Такимъ образомъ комиссія Баранова забраковавъ знаки, открытые Осташкинымъ, сама намѣтила **новые знаки**, но убѣдительности и сколько нибудь основательныхъ доказательствъ не дала, что бы считать кучи камней на вершинахъ горъ (обо), обыкновенно складываемыхъ на перевалахъ шаманистами и ламаитами,—не только за дѣйствительные знаки, но даже за знаки поставленные самовольно Пестеревымъ.

Получилась третья пограничная линія на Саянскомъ хребтѣ (Пестеревская. Осташкинская и Барановская).

Ввиду такихъ неопредѣленныхъ данныхъ о границѣ послѣ этого поручено было Усинскому пограничному Начальнику Александровичу отыскивать опять таки пограничные знаки, что Александровичъ и производилъ все время пока не былъ уволенъ въ отставку, хотя и не далъ никакихъ результатовъ, но кажется, намѣчалъ новую пограничную линію, гдѣ то уже на водораздѣлѣ между большимъ и малымъ Енисеемъ[1]).

Однако вопросъ объ отысканіи пограничныхъ знакахъ на Саянскомъ хребтѣ не окончился и каждый желающій можетъ продолжать отыскивать и ставить новые знаки и теперь. Такъ напримѣръ инженеръ Родевичъ въ 1908 году посѣтивъ

---

[1]) Работы Александровича я не привожу, такъ какъ не считаю ихъ сколько нибудь серьезными, да они и не имѣли вліянія на рѣшеніе вопроса.

устье Кемчика, рѣшилъ снять надпись 1846 года со знака № 23 и поставить «1908 годъ» и **свою подпись.**

Урянхайскіе чиновники, заинтересованные въ пріобрѣтеніи новыхъ мѣстъ для кочевій и охоты по соболю и видя безцѣльное толченіе русскихъ около Саянскаго хребта и самостоятельное измѣненіе пограничныхъ знаковъ то однимъ чиновникомъ, то другимъ—рѣшили перенести границу еще на 100 верстъ къ сѣверу отъ устья Кемчика и, при устьѣ р. Уса, на лѣвомъ берегу Енисея, въ 1908 году поставили новый пограничный знакъ, а отъ него цѣлый рядъ знаковъ по направленію къ западу.

Однако въ прошломъ 1909 году наши мѣстныя власти, не удовлетворившись этой путаницей съ отысканіемъ и постановкой пограничныхъ знаковъ, послали три команды развѣдчиковъ съ офицерами отыскивать пограничные знаки.

Эти команды побывали на всѣхъ зна ахъ и т. к. имъ было предписано **отыскать знаки,** то они опять таки нашли **кучи камней, столбы и кресты**[1]).—Кѣмъ когда поставлены эти знаки и насыпаны кучи камней конечно развѣдчики разобраться не могли. Очевидно они были на знакахъ Пестерева № 18 и 19) и Баранова (№ 20, 21 и 22). **И неужели мы все таки упорно будемъ сидѣть на этихъ знакахъ и сами себѣ доказывать, что граница Россіи проходитъ по Саянскому хребту?**

Посмотримъ нѣтъ ли какихъ либо данныхъ поставить вопросъ о границѣ другимъ путемъ.

Въ 1903 году съ ВЫСОЧАЙШАГО разрѣшенія я былъ командированъ Начальникомъ Монгольской экспедиціи и лѣтомъ этого года прошелъ съ экспедиціей Урянхайскую землю.

Изучая и знакомясь съ страною, ея жизнью, бытомъ и условіями создавшимися для русскихъ піонеровъ въ этомъ краю, я случайно встрѣтился съ идеей, циркулировавшей среди нѣкоторыхъ русскихъ торгующихъ (главнымъ образомъ

[1]) Хотя Поручикъ Августусъ, побывавшій на мѣстѣ знаковъ Осташкина и Баранова, заявляетъ, что кучи камней нельзя признать знаками, а это простые „обо".

у Г. П. Сафьянова[1]) о томъ, что граница Россіи должна бы проходить южнѣе Саянскаго хребта, по Та ну-ола.—Правда доказательства этого, въ изложеніи нашихъ русскихъ торгующихъ, были очень туманны и слабы и, конечно базировались главнымъ образомъ на ихъ личной логикѣ, отчасти патріотическаго и экономическаго характера. Однако, стараясь выяснить этотъ интересный вопросъ, я неоднократно бесѣдовалъ и съ урянхами, особенно почтенными стариками, при чемъ многіе изъ нихъ мнѣ откровенно говорили, что земля эта прежде принадлежала Россіи и что они урянхи платили подати раньше Русскому Царю.

Проѣхавъ далѣе черезъ хребетъ Танну-ола въ Монголію, я встрѣтилъ къ югу отъ Танну-ола, въ системѣ рѣки Тесинъ гола, монгольскіе пограничные караулы, подчиненные китайскому офицеру и ознакомившись изъ разспросовъ съ обязанностями этихъ карауловъ, я убѣдился, что китайскіе власти считаютъ хребетъ Танну-ола границею. Но съ кѣмъ эта граница: съ русскими или урянхами мнѣ выяснить на мѣстѣ неудалось.—Установлено было только одно, что монгольскіе караулы обязаны требовать заграничные паспорта какъ отъ русскихъ, такъ и отъ урянховъ, при чемъ всѣ русскіе торговые караваны, слѣдующіе изъ Урянхайскаго края въ Улясутай и вообще въ Монголію обязательно направлялись на караулъ Дзинъ-дзиликъ, гдѣ ихъ подробно осматривалъ китайскій караульный офицеръ и, пользуясь своимъ положеніемъ, нерѣдко задерживалъ караваны по нѣсколько дней подъ предлогомъ осмотра и этимъ способомъ получалъ отъ русскихъ торгующихъ взятки. Будучи въ Улясутаѣ и бесѣдуя съ Цзянь-Цзюномъ я конечно долженъ былъ быть очень осторожнымъ въ вопросѣ объ Урянхайской землѣ, а потому въ разговорѣ совершенно не касался вопроса о спорности территоріи. но однако замѣтилъ въ тонѣ Цзянь-Цзюня какую то нетвердость взгляда на Урянхайскую землю.

Всѣ эти впечатлѣнія дали мнѣ нѣкоторый толчекъ въ развитіи моего убѣжденія о возможности, что граница наша съ Китаемъ здѣсь очень неясна и что нѣтъ ли какихъ либо основаній считать границу не по Саянскому хребту, а по Танну-ола.

---

[1]) Представлявшимъ по этому вопросу свои записки въ разныя министерства.

Къ этому убѣжденію меня особенно подтолкнула случайно прочитанная историческая справка въ книгѣ нашего уважаемаго синолога П. Попова „Записки о монгольскихъ кочевьяхъ“, о времени постановки монгольскихъ пограничныхъ карауловъ, въ которой говорится, что караулы, которые лично я посѣтилъ въ 1903 году на южномъ склонѣ хребта Танну-ола, поставлены были въ 1727 году, и именно тѣми китайскими сановниками, которые подписали Кяхтинскій договоръ 1727 года о разграниченіи Россіи съ Китаемъ. Слѣдовательно мѣсто постановки монгольскихъ карауловъ, и нынѣ стоящихъ тамъ-же гдѣ ихъ поставили въ 1727 году, находится въ прямой зависимости отъ нашихъ договоровъ Буринскаго и Кяхтинскаго съ китайцами.

Мое личное мнѣніе по этому вопросу я изложилъ въ моей секретной запискѣ „Объ обезпеченіи пограничной полосы Сибирскаго военнаго округа“ поданной Командующему войсками округа 31-го Марта 1904 года, въ слѣдующей редакціи:

„Принадлежность Урянхайской земли Китаю можно считать вполнѣ спорною, такъ какъ по Кяхтинскому трактату 1727 года, устанавливающему въ этомъ мѣстѣ границу нельзя уяснить гдѣ въ дѣйствительности должна проходить граница. А на дѣлѣ, при разграниченіи, коммисары Китайской Имперіи проложили границу вдоль по южному склону хребта Танну-ола, то есть оставили всю страну Верхняго Енисея въ нашихъ владѣніяхъ и, только благодаря тому, что мы во время этимъ не воспользовались -Улясуйтайскіе мѣстные Цзянь-Цзюни наложили дань на Урянхайскую землю, но они еще и до 1903 года, повидимому, считали принадлежность Китаю этой страны сомнительною, такъ какъ до сихъ поръ пограничные монгольскіе караулы не снимаются и существуютъ всѣ старыя правила для перехода черезъ пограничный хребетъ Танну-ола. Такого же мнѣнія держутся и вліятельные урянхи, съ которыми удалось во время путешествія говорить по этому вопросу. Такимъ образомъ, вопросъ о пересмотрѣ границы въ этомъ мѣстѣ слѣдовало-бы считать неотложною необходимостью“.

Затѣмъ въ своемъ трудѣ „Черезъ Саяны и Монголію“ я спеціально для того чтобы обратить вниманіе на этотъ

вопросъ правительства и русскаго общества, — помѣстилъ статью „погрничный вопросъ", въ которой тоже указывалъ на необходимость разобраться въ этомъ вопросѣ.

Въ 1906 году по волѣ начальства я принужденъ былъ вступить въ врем испр. должности управл. канц. Иркутскаго Генералъ-Губернатора и здѣсь на первыхъ же порахъ встрѣтился съ острымъ положеніемъ урянхайскаго вопроса.— Послѣ подробнаго доклада по этому вопросу временно И. д. Генералъ-Губернатора Генералъ-Лейтенанту Алексѣеву, отъ него послѣдовало представленіе Министру Иностранныхъ Дѣлъ письмомъ о необходимости изученія этого вопроса На запросъ Министерства по этому письму нашего посланника въ Китаѣ Г-на Покотилова, былъ полученъ отвѣтъ, что въ настоящее время политическая обстановка для переговоровъ по этому вопросу неблагопріятна и потому посланникъ находитъ необходимымъ вопросъ этотъ совершенно не поднимать. На что и послѣ довало ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволеніе.

Въ концѣ 1906 года въ гор. Иркутскѣ состоялось совѣщаніе о путяхъ сообщенія Сибири; на этомъ совѣщаніи было постановлено ходатайствовать объ изслѣдованіи Верхняго теченія Енисея («Улукемъ и Бейкемъ») въ Урянхайской землѣ, въ интересахъ возможности открытія тамъ пароходства. Съ этой цѣлью въ 1908 году въ Урянхайскій край былъ командированъ инженеръ Родевичъ, который, произведя рекогносцировку р. Верхняго Енисея, представилъ свой отчетъ, въ которомъ между прочимъ коснулся и интересующаго насъ вопроса о спорности Урянхайской территоріи, высказывая свой взглядъ на рѣшеніе этого вопроса.

Этотъ отчетъ удостоился вниманія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, въ 1909 году въ Февралѣ мѣсяцѣ.

Описанныя выше пограничныя недоразумѣнія въ Урянхайской землѣ, вызвавшія въ концѣ 1908 года поѣздку мою съ военной экспедиціей въ Урянхайскій край для урегулированія этого недоразумѣнія, вновь подняли Урянхайскій вопросъ и въ началѣ 1909 года было составлено двѣ записки: одна чиновникомъ Иркутскаго Генералъ-Губернатора Церединымъ и другая мною. Придано было значеніе запискѣ Г-на Церерина и Урянхайскій вопросъ опять былъ вновь оставленъ безъ движенія.

Въ концѣ 1909 года Урянхайскій вопросъ вновь былъ возбужденъ и мы теперь стоимъ опять передъ диллемою: отказаться ли намъ на всегда отъ этой страны, величиною въ 300000 кв верстъ, или же отстоять свои законныя права на нее и покончить навсегда съ очень сложнымъ тяжелымъ вопросомъ, могущимъ въ будущемъ сыграть серьезную роль въ взаимныхъ отношеніяхъ съ нашимъ желтымъ сосѣдомъ?

Наша задача въ настоящее время заключается въ томъ, чтобы уяснить себѣ: проходила ли граница сѣвернѣе озера Косогола и рѣки Верхній Енисей (Бей-кемъ), т. е. по Саянскому хребту, или южнѣе этихъ водныхъ бассейновъ, т. е. по хребту Танну-ола, и оцѣнить какія данныя имѣются за то или другое направленіе.

Попробуемъ остановиться на оцѣнкѣ тѣхъ матеріаловъ съ которыми до сихъ поръ мнѣ удалось ознакомиться.

1) Названіе горъ, перевaловъ и рѣкъ. Разсматривая пять офиціальныхъ документовъ, помѣщенныхъ въ изданіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: а) Буринскій трактатъ 1727 года 20 августа, б) Кяхтинскій трактатъ 21 октября 1727 года (русскій текстъ), в) тотъ же трактъ 21 октября 1727 года (по китайскому тексту), г) Размѣнное письмо 27 октября 1727 года и д) Реестръ знаковъ (приложеніе къ Размѣнному письму),—приходится убѣдиться, что одинъ и тотъ же пунктъ носитъ иногда различныя названія, напримѣръ: а) въ Размѣнномъ письмѣ „Кынземеды“ названа вершиной горы, въ Реестрѣ же пограничныхъ знаковъ „Кынземеды“ названа рѣкою; б) въ Буринскомъ договорѣ есть названіе Кукунъ-наругу, въ Кяхтинскомъ трактатѣ Ковимоулоу, въ Кяхтинскомъ же договорѣ (китайскомъ)—Коисопка; в) въ Буринскомъ договорѣ есть названіе Удынъ-дзоинъ наругу, въ Кяхтинскомъ (русскомъ) очевидно тотъ же пунктъ названъ Екоутенъ-шаой-моулоу, въ кяхтинскомъ (китайскомъ) Окудынъ-чоосопка; г) въ Буринскомъ договорѣ помѣщено названіе Ергикъ-таргакъ-тайга, въ Кяхтинскомъ (русскомъ)—Ергикъ таргакъ, въ Кяхтинскомъ (китайскомъ) Оркикъ-тариханъ-тайганъ.

Размѣнное письмо 27 октября 1727 года во многомъ и существенно не совпадаетъ съ приложеннымъ къ нему реестромъ пограничныхъ знаковъ: знакъ № 11 въ Размѣнномъ письмѣ указанъ на рѣкѣ Модонкулѣ, а въ реестрѣ-Масунгу-

ла рѣка; № 14—на рѣкѣ Мюнкю-кекета, а въ реестрѣ — на Мюнке-иркета рѣкѣ, (между тѣмъ какъ это произвольное измѣненіе вѣроятно притянуло позднѣйшихъ пограничныхъ людей на вершину рѣки Иркута, т. е. къ сѣверу отъ Косогола); № 13—на рѣкѣ Кекета на вершинѣ до Шиту - дабага, а въ реестрѣ этого знака совершенно не указано; знакъ № 17 въ Размѣнномъ письмѣ значится на рѣкѣ Наринхоро, въ въ реестрѣ—на р. Ріяхъ-ро.

Ни въ Размѣнномъ письмѣ, ни въ реестрѣ ни разу не упомянуты такіе крупные оріентировочные пункты какъ озеро Косоголъ (200 верстъ длиною), вершина Мунко-Сардыкъ (11000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря, съ ледникомъ), ни рѣка Енисей.

Такимъ образомъ во всѣхъ пяти документахъ, писанныхъ въ одно время, замѣчается довольно значительная неясность и несоотвѣтствіе въ самыхъ названіяхъ мѣстностей; если же попытаться отыскать эти названія на мѣстахъ, то, по сколько я ознакомился съ сѣвернымъ варіантомъ границы по Саянскому хребту, многихъ названій найти на мѣстахъ невозможно, а если таковыя и помѣщены на сорокаверстной картѣ изд. Главнаго Штаба, то мѣстные жители ихъ не знаютъ. (Напримѣръ Гурбія, Наринхоро, р. Тенгизъ, Торосъ-дабага, Кынзмада, Хонинъ-дабага, Ергикъ-тайга и друг.).

Если же мы возмемъ при этомъ: 1) ту-же сорокаверстную карту изд. Главнаго Штаба и хотя бы поверхностно посмотримъ, нѣтъ ли нѣкоторыхъ названій, помѣщенныхъ въ трактатахъ, къ югу отъ Танну-оле (по южному варіанту), то найдемъ р. Ури, р. Наринъ-хоро (около озера Косогола), хребетъ Гурбія, Гаузганъ-мадо, (возможно, что это испорченное названіе Кынземадо), Оркхо (Оркикъ въ трактатахъ) р. Тайрисъ (возможно испорченное Тенгизъ), перев. Хонинъ дабага; 2) на картѣ Урянхайскаго амбань-нойона (находится въ Пекинѣ въ канцел. Посланника)—вершина Гурбія, перевалъ Шеби, т. е. Шабинъ-дабага и 3) на маршрутной съемкѣ китайскаго топографа: Кекетъ-тологой, то и по южному варіанту казалось бы можно найти нѣкоторые пункты, указанные въ трактатахъ 1727 года.

Такая неястность названій пунктовъ и несоотвѣтстіе ихъ мѣстности, въ основныхъ документахъ разграниченія могутъ

быть объяснены слѣдующимъ образомъ: судя по ходу переговоровъ нашего посланника графа Рагузинскаго съ китайскими послами въ 1727 году, изложенному въ книгѣ Бантышъ-Каменскаго (составленной на основаніи документовъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), обстановка разграниченія была такова: первый текстъ Буринскаго договора былъ написанъ въ Пекинѣ, многократно оспаривался обѣими сотронами и былъ дополненъ на мѣстѣ въ Кяхтѣ. Очевидно названіе горъ, рѣкъ и горныхъ перевaловъ списывались въ Пекинѣ и Кяхтѣ съ какой то карты, но насколько эти названія соотвѣтствовали мѣстности вопросъ открытый.

Разграниченіе на мѣстѣ произведено, какъ описываетъ графъ Рагузинскій такъ: стольникъ Колычевъ „идучи пустыми и непроходимыми мѣстами, преодолѣвъ всѣ споры и трудности, поставилъ 24 знака, размѣнился записью... и утвердилъ границу, умножилъ ея землями, о которыхъ ни **въ Буринсномъ договорѣ, ниже въ инструкціи ему предписано не было**". Слѣдовательно фактическая граница въ этомъ мѣстѣ съ Буринскимъ договоромъ **не совпадаетъ.**

Генеральный трактатъ (такъ называемый Кяхтинскій 21 октября 1727 года) привезенъ изъ Пекина совершенно измѣненнымъ: нашъ посланникъ „нашелъ къ крайнему своему прискорбію и немалому удивленію самихъ китайцевъ, что всѣ статьи онаго были исправлены для россійской чести убыточно" и потому трактата не подписалъ, а ожидалъ новаго трактата до 14 іюня 1728 года, когда трактатъ китайцами былъ привезенъ и посланникъ призналъ, что онъ «сочиненъ по силѣ проекта, но съ нѣкоторыми разностями», однако подписалъ его, при чемъ тамъ же упоминается, что относительно границы въ Кяхтинскомъ трактатѣ вписано было именно то, что и въ Буринскомъ договорѣ. Значитъ и Кяхтинскій договоръ **не совпадалъ съ работою пограничной комиссіи.**

Такимъ образомъ казалось бы, что строго основывать направленіе границы только по названнымъ въ трактатахъ пунктамъ едва ли возможно, во первыхъ, потому что они могли быть неправильно названы, ихъ трудно найти на мѣстахъ, и трактаты какъ будто-бы не совпадаютъ съ работой разграничительной комиссіи.

II) Ландкарта Колычева (судя по копіи, хранящейся въ Канцеляріи Иркутскаго Генералъ-Губернатора) не совпадаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ дѣйствительною мѣстностью, а направленіе границы не совпадаетъ съ картою самаго Колычева, такъ какъ въ первой граница идетъ какъ будто бы сѣвернѣе озера Косогола, а во второй — южнѣе.

Эти недостатки, пока единственныхъ картографическихъ документовъ (хотя я подлинниковъ и не видѣлъ), могутъ быть объяснены только тѣмъ, что разграничительная комиссія выѣхала изъ Кяхты 29 Августа и вернулась 9 Октября, слѣдовательно объѣхала границу въ 42 дня; полагаю всякій, бывшій въ тѣхъ мѣстахъ, согласится, что проѣхать по сѣверному направленію свыше 1000 верстъ, за это время съ постановкой 24 знаковъ и съемкою и еще вернуться назадъ,— **невозможно**, и наконецъ, еслибъ разграничительная комиссія проѣзжала по сѣверному направленію, то она не могла бы не отмѣтить на съемкѣ и въ Размѣнномъ письмѣ озеро Косоголъ, вершину Мунко-Сардыкъ и особенно рѣку Енисей, такъ какъ миновать, особенно два послѣднихъ пункта, комиссія не могла.

Можно предполагать, что ландкарта была сдѣлана не на мѣстѣ разграниченія[1]) и что это не съемка мѣстности, а схема, составленная по разспросамъ или по картамъ. Если допустить, что комиссія дѣйствительно проѣхала границу, то она могла проѣхать за это время только по южному направленію (хребетъ Танну-ола), что и подтверждается въ китайской литературѣ (см. записки о Монгольскихъ кочевьяхъ), гдѣ говорится, что въ 1727 году Тулишеномъ, Тегутомъ и Чабоною, подписавшими трактатъ, поставлены монгольскіе караулы (пограничные) къ югу отъ хребта Танну-ола. Такимъ образомъ ландкарту очевидно составляло не то лицо,[2]) которое проѣзжало границу, и базироваться на этой ландкартѣ при пересмотрѣ границы едва ли возможно.

---

[1]) На что указываетъ и Подполковникъ Барановъ въ своемъ отчетѣ.

[2]) На что указываетъ Боголюбскій и Осташкинъ въ своихъ запискахъ.

III) Знаки. Появленіе знаковъ по сѣверному варіанту было указано съ достаточною подробностью; тѣмъ не менѣе я остановлюсь на нихъ еще разъ:

Знаки, начиная съ 1 по 12, въ настоящее время не оспариваются; на сколько они соотвѣтствуютъ прежнимъ знакамъ интересно было бы ознакомиться. Знаки 13, 14, 15, 16 и 17 указываютъ направленіе границы по сѣверному варіанту, такъ какъ показаны на ландкартѣ Колычева по хребту охватывающему озеро Косоголъ съ востока, (водораздѣлъ между системами рѣкъ Джиды и Ури), но ихъ я не видѣлъ и для провѣрки ихъ у меня матеріаловъ нѣтъ; что они представляютъ собою и насколько совпадаютъ съ дѣйствительными знаками—тоже не знаю. Знакъ № 18, по описанію послѣдней экспедиціи, состоитъ изъ двухъ кучъ камней, поставленныхъ одна противъ другой, кучи эти постоянно подбавляются, такъ какъ на основаніи вѣрованій шаманистовъ переваливая гору каждый приноситъ жертву богамъ, бросая камень въ „обо". Признать эти кучи за знакъ поставленный въ 1727 году весьма затруднительно, такъ какъ такихъ „обо" имѣется масса, на всѣхъ горныхъ перевалахъ въ Саянской горной странѣ; наконецъ и мѣстность не соотвѣтствуетъ описанію знака, такъ какъ въ реестрѣ и въ Размѣнномъ письмѣ сказано «на Тенгизѣ рѣкѣ», между тѣмъ экспедиція посланная въ этомъ году, рѣки Тенгизъ въ этомъ мѣстѣ не нашла, а указываетъ перевалъ Тенгизъ между рѣками Обоголъ и Хотенъ-голъ[1]. Знакъ № 19 долженъ находиться на перевалѣ Торосъ-дабага въ верховьяхъ рѣки Бедикемы. По ландкартѣ этотъ знакъ находится примѣрно около вершины рѣки Уды (притокъ Ангары). Экспедиція этого года къ вершинѣ рѣки Хана (притокъ рѣки Уда) нашла деревянный столбъ, обложенный кучей камней; столбъ этотъ стоитъ у истоковъ рѣчекъ Хана и Нингаекъ и признать его за пограничный знакъ, поставленный 200 лѣтъ тому назадъ, едва ли кто можетъ. Знаки №№ 20, 21 и 22 отыскивались тремя экспедиціями: Осташкина, Баранова и Августуса и какъ выше указано не могутъ быть признанными знаками поставленными въ 1727 году. Наконецъ, знаки должны быть каменной кладки, а не кучи камней.

---

[1]) Изъ приведенной выше выписки описанія Шестерева возможно допустить, что знаки здѣсь поставлены имъ, одновременно съ нашими пограничными караулами Удинскимъ и Окинскимъ.

Изъ послѣдней съемки пограничной полосы Китая съ Россіей, сдѣланной китайскимъ топографомъ въ 1903 году, видно, что на хребтѣ Танну ола имѣется очень много пограничныхъ (обо) знаковъ, что подтверждается и картою, составленной урянхайскимъ амбань-нойономъ Гомбодорчжи. По китайской картѣ пограничнаго пространства (Пекинскаго изданія) пограничные знаки въ западной части около озера Убса показаны на хребтѣ Танну ола, а не на Саянскомъ хребтѣ.

Такимъ образомъ въ равной степени можно доказать существованіе пограничныхъ знаковъ по сѣверному и по южному варіанту, и базировать опредѣленіе границы исключительно на знакахъ невозможно.

IV) Наиболѣе существенными признаками границы могли бы служить **пограничные караулы**: 1) потому, что китайской литературой указывается, что эти караулы поставлены въ 1727 году Тулешеномъ, Тегутомъ и Чебиною, т. е. китайскими уполномоченными, подписавшими договоръ; 2) на китайскихъ картахъ послѣднихъ изданій пограничные караулы ясно обозначены къ югу отъ хребта Танну-ола; 3) въ 1903 году по порученію Ургинскаго амбаня китайскій топографъ сдѣлалъ маршрутную съемку пограничной линіи, захвативъ и раіонъ пограничныхъ карауловъ, которые по этой съемкѣ находятся по южному склону хребта Танну-ола, что совершенно совпадаетъ съ нашей сорокаверстной картой издан. Главнаго Штаба; 4) дѣйствительнымъ нахожденіемъ карауловъ, посколько я ихъ лично видѣлъ въ 1903 году и 5) наконецъ эти именно караулы „Белтысъ“, „Цаалъ-голъ“, „Цзиндзиликъ“ и другіе указаны въ послѣднемъ нашемъ договорѣ съ Китаемъ 1881 года (см. приложеніе къ ст. 2 правила о сухопутной торговлѣ, и «списокъ пограничныхъ пунктовъ, черезъ которые могутъ проѣзжать русскіе для торговли въ Китай»).

V) **Договоры.** Въ заключеніе долженъ упомянуть, что вопросъ о направленіи границы отъ Кяхты на западъ до Шабинъ-дабага разсматривался обоими государствами два раза: въ 1727 г. (договорами Буринскимъ и Кяхтинскимъ) и въ 1881 году (С.-Петербургскій договоръ). При чемъ: 1) въ Буринскомъ договорѣ относительно Урянхайскаго края сказано, что «Урянхи въ которую сторону платятъ по 5 собо-

лей ясаку въ той сторонѣ и останутся». Что это касается интересующаго насъ Урянхайскаго края, видно изъ того, что графъ Рагузинскій въ своей реляціи о содержаніи Буринскаго договора пишетъ (я цитирую изъ книги Бантышъ-Каменскаго, такъ какъ подлинной реляціи не видѣлъ): «Народъ урянхи (около Косоголу близъ р. Хуры [1] въ каменныхъ горахъ живущій) да платятъ тотъ же ясакъ и въ тоже государство куда оный до сего времени платили». При чемъ изъ той же переписки видно: китайцамъ было извѣстно, что Алтынъ ханъ, владѣвшій страною урянховъ, еще въ 1634 году принялъ подданство Россіи, что они и старались оспаривать въ переговорахъ съ Рагузинскимъ; но такъ какъ у Рагузинскаго съ собою была копія договора Алтынъ-хана съ Россіей, то очевидно китайцамъ пришлось согласиться на отдачу Урянхайскаго края, что и видно изъ переписки по разграниченію, такъ какъ мѣстныя люди заявили, что къ Россіи отошла мѣстность къ югу отъ Кантегира на нѣсколько переходовъ.

Въ договорѣ 1881 года Урянхайскій край безъ сомнѣнія считается внѣ предѣловъ Монголіи, т. к. онъ находится сѣвернѣе пограничныхъ пунктовъ Белтысъ, Цдзалъ-голъ и Дзинь-дзиликъ упомянутыхъ въ приложеніи къ договору, а уже потому, согласно этого договора, Урянхайскую землю можно считать вполнѣ спорною территоріей.

Такимъ образомъ у насъ имѣется нѣкоторое основаніе признать У р я н х а й с к і й край принадлежащимъ намъ, на основаніи договоровъ Буринскаго, Кяхтинскаго (1727 году) и С.-Петербургскаго 1881 г, такъ какъ Урянхайскій край во всѣхъ нихъ трактуется внѣ предѣловъ Китайской Имперіи, какъ находящійся сѣвернѣе пограничныхъ пунктовъ, названныхъ самими-же китайцами и отчасти указанныхъ на ихъ-же картахъ.

Во всякомъ случаѣ казалось бы у насъ уже съ 1881 года имѣлось основаніе создать такое положеніе Урянхайскому вопросу, «Все, что происходитъ къ сѣверу отъ линіи пограничныхъ карауловъ, т. е. отъ хребта Танну-ола, намъ

[1]) Вѣроятно рѣка Ури

слѣдовало бы разрѣшать не въ Улясутаѣ и Ургѣ, а въ Красноярскѣ и въ Иркутскѣ, и пусть тогда бы китайцы намъ доказывали, что граница проходитъ не по Танну-ола, а по Саянскому хребту.

Между тѣмъ мы уже 130 лѣтъ занимаемся отысканіемъ пограничныхъ знаковъ и въ тоже время сами по всѣмъ недоразумѣніямъ въ Урянхайской землѣ обращаемся за разрѣшеніемъ въ Улясутай, Ургу и Пекинъ, несмотря на то, что имѣемъ на лицо послѣдній договоръ съ Китаемъ 1881 года, отчасти опредѣляющій положеніе Урянхайскаго края.

Такимъ образомъ казалось бы пора намъ стать въ этомъ вопросѣ въ другую позицію т. е. **заявить Китаю, что страна эта наша и пусть Китай намъ доказываетъ, что мы неправы и представитъ документальныя данныя 1727 года.**

Однако и намъ не слѣдуетъ сложить въ этомъ вопросѣ руки. Необходимо къ переговорамъ тщательно изучить вопросъ о границѣ: 1) подробно изучить при содѣйствіи нашей Пекинской миссіи могущіе быть интересными матеріалы въ китайской офиціальной и неофиціальной литературѣ и перепискѣ; 2) подробно изучить въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: а) реляціи графа Рагузинскаго, б) подлинные договоры Буринской и Кяхтинской и Размѣнное письмо, в) подлинную карту и ландкарту Колычева, г) трактатъ, заключенный Россіей съ Алтынъ-ханомъ 1634 году; 3) въ Иркутскомъ и Красноярскомъ архивахъ изучить документы по учрежденію нашихъ пограничныхъ карауловъ въ 1727 и 1728 годахъ и 4) проѣхать отъ Кяхты вдоль по границѣ до Косогола и далѣе по хребту Танну-ола, сдѣлавъ маршрутную съемку, отыскать знаки и установить ихъ названія и положеніе въ соотвѣтствіи съ размѣннымъ письмомъ.

Конечно это потребуетъ небольшихъ средствъ но, что же дѣлать. Мы затратили на отысканіе пограничныхъ знаковъ по сѣверному направленію больше, а страна въ 300000 квадратныхъ верстъ стоитъ чего нибудь для Россіи, даже если

несчитаться, что мы обязаны каждую сажень русской земли защищать отъ покушеній сосѣдей всею своею мощью, а отдать цѣлую страну, принадлежащую намъ съ 1634 года, казалось бы будетъ дѣломъ за которое не похвалятъ насъ наши потомки.

Полковникъ **Викторъ Поповъ.**

Этнографическая Эскиза.
Масштабъ 40 верстъ въ 1 дюймѣ.
Европейская граница.
Сѣверная Европейская граница.
Южная " "
Русская пословица.
Русская граница.
Китайская географическая координата.
Сарапул
Каз. Ижевский
Каз. Мариинский
Каз. Воткинский
Каз. Ижевский
Каз. Ижевский
Каз. Ижев